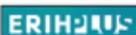

Александрова-Осокина О. Н. Мотив «возвращение домой» в повести Татьяны Гладких «Птичка Божия» / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 195—208. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-195-208.

Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Motif “homecoming” in the Story of Tatyana Gladkikh “Bird of God”. *Nauchnyi dialog*, 2: 195-208. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-195-208. (In Russ.).

УДК 821.161.1Гладких.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-195-208

МОТИВ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ» В ПОВЕСТИ ТАТЬЯНЫ ГЛАДКИХ «ПТИЧКА БОЖИЯ»

© Александрова-Осокина Ольга Николаевна (2020), orcid.org/0000-0003-2960-9920, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет» (Хабаровск, Россия), osokina-11@mail.ru.

В статье на материале повести «Птичка Божия» (2018) рассматривается творчество дальневосточной писательницы Татьяны Иннокентьевны Гладких (род. 1952 г.). Научная новизна исследования состоит в том, что проза Гладких не была предметом осмысления в литературоведении. Актуальность данной работы обусловлена значимостью изучения региональной (дальневосточной) литературы, что является необходимым условием для формирования целостной картины отечественного историко-литературного процесса. В статье представлены результаты имманентного анализа повести; уделено внимание вопросам сюжета, ценностного содержания, образно-мотивной природы; прослежена типология героя и обоснована типологическая параллель между образом героя повести и героем средневекового жития — Алексием, человеком Божиим. Выявлено, что герой повести воплощает «житийный» тип мироотношения, который проявляется в чувстве всеобщности со всем живым, любви, сострадания. Особое внимание уделяется мотиву «возвращение домой», который видится центральным в сюжетно-фабульной и ценностно-смысловой организации произведения, а также выступает организующим началом в мотивном комплексе повести, объединяющим образы «странничество», «дом», «память», «душа». В статье прослежено, как мотив «возвращение домой» реализуется на трех уровнях организации художественной структуры текста: фабульной, субъектной и бытийной.

Ключевые слова: Татьяна Иннокентьевна Гладких; «лагерная тема»; мотивный комплекс; мотив «возвращение домой»; мифопоэтика; символика; типология героя.

1. Введение. Задачи изучения региональной литературы. Повесть «Птичка Божия» в контексте творчества Татьяны Гладких

Статья знакомит с творчеством хабаровской писательницы Татьяны Иннокентьевны Гладких. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения русской дальневосточной литературы как неотъемлемой части общероссийского литературного процесса. Литература

Дальнего Востока представлена творчеством многочисленных писателей: некоторые из них имеют всероссийскую известность (В. К. Арсеньев, П. С. Комаров, В. Н. Иванов, Н. П. Задорнов), другие не так известны за пределами региона (как, например, Т. И. Гладких), однако ближайшее знакомство с произведениями этих писателей показывает самобытность таланта и глубину идейно-эстетической мысли их книг. Изучение творческой практики региональных писателей прошлого и современности является необходимым условием для понимания процессов историко-литературного развития в регионе, что в конечном итоге способствует восполнению целостной картины истории отечественной литературы. При этом важную роль в сохранении культурного наследия провинции играет литературное краеведение.

Осознанная еще в начале XX века Н. К. Пиксановым [Пиксанов, 1928] проблема изучения «культурных гнезд» России сегодня не утрачивает своей значимости. Напротив, в условиях глобализации и стремительного развития интернет-технологий задача сохранения индивидуального облика «локальной» культуры напрямую связана с проблемой историко-культурной самоидентификации. «Провинция оказывается своеобразным контрольным пространством <...>, где история, время наиболее трезво и реально, <...> проверяют ценность, устойчивость и плодотворность того, что пробует человечество для своего наилучшего жизнеустройства и духовного воплощения» [Инюшкин, 2004, с. 432].

Изучение творчества Т. И. Гладких является посильным вкладом в воплощение масштабной задачи изучения русской литературы Дальнего Востока.

Вхождение Т. И. Гладких в литературу относится к 90-м годам XX века. Все ее произведения: сборник рассказов «Странники» (1996), документально-биографические повествования «Иннокентий (Вениаминов): ученый, педагог, просветитель» (2016), «Амурские казаки Кореневы» (2017), повесть «Птичка Божия» (2018) — связаны с Дальним Востоком. Главной темой художественного осмысления в творчестве писательницы является человек в его семейных, социальных и исторических связях с окружающим миром.

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что творчество Гладких не было предметом литературоведческого изучения (единственный шаг в этом направлении был сделан автором настоящей работы [Александрова-Осокина, 2018]).

В повести «Птичка Божия» отражены события репрессий середины XX века. Эта тема затрагивалась также в других произведениях Гладких:

в рассказах «О любви», «Житие одной избушки», в документально-биографической повести «Амурские казаки Кореневы». В них автор не акцентирует внимание на политической стороне вопроса, но раскрывает перед читателем историю человеческой жизни сквозь призму исторической действительности; писательница осмысливает такие философские категории, как «судьба», «жизнь и смерть», «странничество», «народ».

2. Мотив «возвращение домой» как сюжетобразующий и ценностно-смысловой центр повести «Птичка Божия»

События в повести происходят летом 1947 года. Семидесятилетний старик Алексей Савельев, отсидев десять лет лагерей (*Слово за слово, ну, я возьми, да и скажи: «Народ бросает землю и уходит в город, а кто будет хлеб расти?» Меня через пять дней забрали* [Гладких, 2018, с. 114]), после освобождения идет по побережью Охотского моря и Амура в родное село под Благовещенском.

Фабульную линию произведения составляет путь героя домой и череда его встреч с разными людьми. В историко-бытовых деталях раскрывается послевоенная жизнь приморских и приамурских деревень. Рисуя жизнь народа, автор продолжает традиции русской классической литературы XIX—XX веков и показывает, как в страданиях и лишениях простые люди не утрачивают духовного света и человечности.

Поэтика повести строится на соединении реалистического и символического начал, целостный смысл произведения раскрывается через соединение событийной линии повествования и символично-поэтических значений образов и мотивов. Символика формирует «смысловый избыток <...> в слове воплощенный, но ему не принадлежащий» [Гиршман, 2007, с. 15].

Мотив «возвращение домой» является сюжетной и ценностно-смысловой основой повести. Отметим, что понятие «возвращение» относится к универсальным категориям, в том числе в народной культуре. В словаре В. И. Даля очерчен следующий круг значений этого слова: ‘отдавать назад, обратно’, ‘отпускать домой’, ‘добывать обратно утраченное’, ‘возвращать себе’, ‘приходить, приезжать обратно на то же место, где был»; ‘возвратный путь — путь ведущий назад’ [Даль, 1863, с. 199].

Этот образ находит отражение в разных формах человеческого культурного опыта, связан с другими образами-универсалиями, функционирует в сознании в антиномичных парах: «утрата — восстановление», «расставание — возвращение», «потеря — обретение», «жизнь — смерть», «земля — небо», «дом — странничество» и т. д.

3. Иерархическое воплощение мотива «возвращение домой» в повести «Птичка Божия»

Известный фольклорист Б. Н. Путилов писал, что мотивы есть «живая материя фольклора», «словарь традиции», и подчеркивал, что они «обладают продуцирующей силой, причем порождаемые ими коллизии внутренне обусловлены» [Путилов, 1994, с. 179].

В повести «Птичка Божия» мотив «возвращение на родину» воплощается на нескольких уровнях структуры художественного текста: сюжетно-фабульного развития, субъектной сферы героя и философских, бытийных обобщений. В свою очередь в каждой из означенных сфер мотив «возвращение» охватывает и связывает некоторый круг смыслов, понятий, тем, мотивов.

Мотивные комплексы, взаимно перекрещиваясь, образуют целостную, иерархически выстроенную художественную систему, объединяющим началом которой является идея возвращения домой. Опираясь характеристикой Б. М. Гаспарова, мы можем сказать, что в повести Гладких мотив «возвращение домой» «раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук <...> в отличие от традиционного сюжетного повествования, <...> здесь не существует заданного “алфавита” — он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» [Гаспаров, 1993, с. 30].

Рассмотрим особенности реализации мотива «возвращение» в названных сферах структуры повести.

На фабульном уровне мотив «возвращение» реализуется непосредственно в главном событии повести — пути героя к дому. В этом аспекте семантический комплекс составляют мотивы «путь», «дорога», «встреча», «беседа». Возвращение (путь) домой является основой сюжетного («линейного») развития произведения: герой идет домой, встречается с различными людьми, заново знакомится с жизнью: *отвык я от людской жизни, будто не мое уже все это* [Гладких, 2018, с. 97], *ничегошеньки не знаю я, давно вычеркнут из жизни* [Там же, с. 98]; *забыл, отвык, забыл и будто заново все вижу* [Там же, с. 103].

Герой был изъят из нормальной жизни на десять лет, и возвращение сопряжено с «припоминанием», обретением утраченной социальной роли. Образом, приобретающим в этом контексте символическое значение, ста-

новится «подарок»: *десять лет дома не был, вернулся — и гостинца не привез. Не по-людски* (выделено нами. — А. О.), *пожалуй, это будет* [Гладких, 2018, с. 93]. В традиционной культуре важной функцией подарка, кроме эмоциональной и материальной, является коммуникативная, регулирующая отношения и связи между людьми, см.: [Старыгина, 2017]. Герой произведения не только несет подарки для своей семьи, но и вступает в отношения «дарения» с другими персонажами. Подарок помогает преодолеть социальный и временной разрыв между героем и другими людьми.

Мотив «возвращение» обнаруживает в повести различные смысловые грани. Так, например, на «видимом», реалистическом уровне возвращение старика домой является проблематичным: ему может не хватить физических сил, чтобы дойти. Об этом говорится и в тексте: *Они тебя на смерть, наверно, выпускают <...> Пропадешь в тайге!* [Гладких, 2018, с. 92]; о возможности такого «печального» исхода говорит и открытый финал повести. Однако в духовном измерении человеческого бытия ситуация прочитывается по-другому: это в заключении человека в течение десяти лет «не существовало», он был в состоянии духовного и социального небытия, и обретение свободы за воротами лагеря, встречи с людьми («по эту сторону жизни» становятся реальным «обретением утраченного», «возвращением», безотносительно к приходу в родной дом. Реальное, «физическое» прибытие героя в свою деревню может не состояться, но духовное воссоединение с родной землей, обретение себя как правоприменной части этого мира уже случилось.

Приобщение к нормальному течению жизни дает ощущение праздника и полноты бытия: *Он вышел за ворота <...> солнце светит: того гляди, что небо улыбнется. А к морю выбрел, там и вовсе все сверкает: какой-то дивный праздник мир справлял* [Там же].

«Второй» обозначенный нами уровень художественной структуры выражает субъективный мир героя, его ценностную и эмоционально-психологическую сферу. Мотив «возвращение» здесь создает единое смысловое пространство с образами «дом», «детство», «мать и отец», «семья». «Дом», «жена», «семья» являются целью странствия героя и смыслом его жизни. Образ дома в хронотопической и ценностно-смысловой системе повести раскрывается в двух плоскостях: память о детстве и память о семье. Эти хронотопы обусловлены возрастными ипостасями человеческого земного бытия: «ребенок» и «глава семьи».

Хронотоп «детства» вбирает в себя образы «мать», «колыбель», «отец», «храм», «поле», «пение птицы». Герою видится, как *мать в зыбке качает, как сидел с отцом на поле в шалаше и жаворонка в небе слушал* [Там же, с. 94].

Хронотоп дома, где герой выступал уже в роли главы семьи, раскрывается в комплексе образов «труд», «семья», «семейный покой»: *изба с коньком на крыше, с резным крыльцом, с черемухой у окон* [Там же, с. 102]; *ему приснилось, будто бы он дома <...>, тихо и тепло, топится печь, и весело трещат поленья. Сам Алексей, взяв шило, молоток и дратву, сидит у печки, чинит упряжь, а Дарья жарит пирожки* [Там же, с. 101].

В мотивном комплексе «возвращение домой» важное место занимает мотив женского ожидания: *Меня дома ждут. Дарья все глаза уж проглядела: подойдет к окошку, в улицу посмотрит — нету ... <...> А то на пристань выйдет пароход встречать* [Там же, с. 119]; при этом герой боится быть неузнанным: *я что-то уж совсем согнулся, приду домой — старуха не узнает* [Там же, с. 106].

Глубина связи Алексея Савельева с домом, устремленности его к родным истокам аллегорически передается через сравнение его с рыбой, идущей на нерест в верховья Амура: героя, как и рыбу, влечет к дому глубинная сила инстинкта жизни: *Рыба вошла с моря в Амур почти одновременно с Алексеем <...> Тоже на родину рвется, как и я, — думал старик про рыбу. В последний путь пошла к родному дому* [Там же, с. 103].

Возвращение домой в таком комплексе значений оказывается не просто «перемещением» в определенную точку пространства, но и путешествием во времени, возвращением к истокам, движением из периферии социального и ценностного мира к сакральному центру.

И, наконец, «третий» уровень раскрытия содержания повести связан с системой абстрактных понятий и категорий: «жизнь и смерть», «душа», «небеса». Этот уровень художественного воплощения мотива «возвращение» раскрывает систему христианского, народно-религиозного понимания жизни и смерти: смерть видится как возвращение «домой, к Отцу небесному», а жизнь — как «странствие», «путь», «временное пребывание». В повести этот уровень значений реализован в мотивных комплексах «жизнь и смерть», «утраченное время», «последний путь», «уход».

Тема близкой смерти проходит лейтмотивом через все произведение. Она обнаруживается уже в начале повести: в пророчестве *они тебя на смерть посылают* [Гладких, 2018, с. 92], в портретной детали: *Помрет старик наш скоро. <...> у него в глазах уж небо стало появляться. <...> Все в них отжило, стихло, и только синева одна осталась* [Там же, с. 91]. С этим перекликаются и слова героя *Бог напоследок счастья дал: пройти, полюбоваться, **попрощаться*** (выделено нами. — А. О.) [Там же, с. 92]. С реализацией мотива смерти связан сюжетный эпизод «На похоронах»;

народные «похоронные» песни: «Дуня» («Вы не вейтесь, черные кудри») и «Как ходил грешный человек».

Вместе с тем о смерти в повести говорится как о закономерном и неизбежном событии человеческой жизни. Слова повести об *Иване, отправившемся в путь всяя земли* [Там же, с. 117], являются цитатой из Ветхого Завета об общем уделе всех людей: «вот я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и мужествен» [3 Цар. 2:2].

Мотив смерти в повести наполнен светлым содержанием, он связан с темой воссоединения с целостностью бытия, возвращением к истокам жизни, восхождением на небеса. О смерти в таком понимании говорится: *ему стал тесен малый мир, и он уже в большой собрался, к верхним людям* [Гладких, 2018, с. 91]. Примечательно, что в этих словах земной мир рассматривается как «малый», а «небесный», загробный — как «большой». Мотив смерти как возвращения в лоно вечности является лейтмотивом повести: *А хорошо, наверно, землей быть: сейчас на ней уже пошли в рост травы, и бегают по ним кузнечики, жуки* [Там же]. Тему возвращения как «последнего пути» раскрывают и слова о странничестве: *Пройдусь за милую душу. Мы на земле ведь странники* [Там же, с. 92].

Мотив возвращения «в большой» мир прослеживается в художественном воплощении образов «неба» и «звезды»: старик сверяет по звездам свой маршрут и время. Здесь реалистическое и символическое содержание образов переплетено: с одной стороны, время определяется по звездам за неимением другого инструмента (из-за отсутствия часов): *Он <...> засмотрелся в небо, выискивая в нем родных-знакомых. <...> Вон и Кичиги взойли <...> когда поднимутся высоко — это полночь, а как вниз спустятся — пошло дело к утру* [Там же, с. 95]. Но одновременно ориентация по звездам усиливает «небесную вертикаль» в содержании повести: сверяя путь по звездам, герой как будто совершает возвращение к «небесному дому».

Важное место в мотивном комплексе повести занимает образ «душа». В своем «самостоятельном» от человека бытии душа является органичной частью Вселенной: она неразрывно «слита» с земным и небесным: *Светло и тихо было в небе; мерцали звезды <...>. Старик вздохнул. — Это не я, душа моя вздыхает, — решил он. — Куда-то собралась она, затрепыхалась* [Там же, с. 96]; *ему казалось временами, что он давно ненастоящий, давно умер, и лишь душа его скитается по свету, рвется к дому* [Там же, с. 103].

Таким образом, богатый мотивный комплекс, скрепленный идеей возвращения героя домой, объективирует многообразие взаимосвязанных интерпретаций этой идеи.

4. Мотив «возвращение домой» и тип героя

Мотивная организация повести и тип героя взаимообусловлены. В исследовательской литературе выделяются следующие варианты (мифологемы) мотива «возвращение» в его соотнесении с функциями человека в них: «возвращение блудного сына», «вечное возвращение», «гамлетовский сюжет», «возвращение Одиссея», см. об этом, в частности: [Бурдина, 2014; Рыбальченко, 2007; Снигирева, 2011].

Для художественного мира повести эти мифологемы не являются актуальными. Здесь видится значимой модель, реализованная в средневековой агиографии, а именно в тексте жития Алексия, человека Божия. Образ этого святого, оставившего богатство, родной дом, молодую жену и нищим странником долгие годы ходившего по свету, а последние годы своей жизни жившего в родном доме неузнанным нищим, был очень популярен в русской народной культуре, имел многие фольклорные переложения, см.: [Житие и деяния ..., 1972; Муравьев и др., 2001].

Тип героя повести «Птичка Божия» по многим характеристикам соотносим с героем жития. Прежде всего, обращает на себя внимание совпадение имен: *Алексий, человек Божий* [Житие и деяния ..., 1972] и *Алексий — птичка Божия* [Гладких, 2018]. Еще О. М. Фрейденберг писала о взаимообусловленности имени героя и его функции в сюжете: «значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг, 1997, с. 223].

Подтверждением того, что в имени героя реализуется его функция, является сходство судеб христианского святого и героя повести. Судьбу героя повести Алексея Савельева вполне можно описать словами акафиста преподобному Алексию: *претерпел многие терпения и многострадания; путь далекий совершил в злостраданиях и нищете; имел <...> рубища же убогая одеянием, <...> зноем опаляему и мразом померзаему* [Акафист Преподобному ...].

Обнаруживается сходство и в «схеме маршрута странствий» святого и героя повести: из родного дома в чужие края и снова назад домой. С той разницей, что святой добровольно отказывается от богатств мира ради духовной жизни, а Алексей Савельев насильно оторван от родного дома и семьи.

В сюжетах о святом и об Алексее Савельеве важное место занимает мотив обручального кольца. Алексий, человек Божий, в день своей свадьбы, отдает жене перстень со словами: *Сохрани это, и да будет между тобой и мной Господь, доколе не обновит нас Своею благодатью*, и жена принимает обет ожидания супруга [Житие и деяния ..., 1972, с. 157].

Алексей Савельев тоже несет жене найденное им оловянное колечко (суперик): *Славный суперик, улыбнулся Алексей. Вот и гостинчик есть старухе* [Гладких, 2018, с. 93]. «Кольцо» выступает знаком «нового обречения», словно символизируя стремление героя преодолеть десятилетний вынужденный разрыв, вновь соединиться с супругой и начать жизнь заново. Кольцо в таком понимании выступает символом восстановления разрушенной гармонии, ключом, открывающим дверь в прежнюю, счастливую жизнь.

Странничество героев также имеет укорененность в системе представлений об идеале человеческой жизни в христианской аскетике. Выбор образа жизни нищего странника как единственно возможного связан с христианским идеалом человека: добровольный аскетизм и отказ от благ мира есть способ прожить жизнь в подражании подвигу Господа Иисуса Христа. Присущая образу преподобного Алексея материальная и духовная нищета определила духовный смысл его жизни — воплотить подвиг смирения, см.: [Дорофеева, 2013, с. 202; Беневиц, 1999].

Изгнничество Алексея Савельева и его аскетический образ жизни не были продиктованы личным выбором героя, а стали результатом выпавших на его долю страданий, однако духовный и нравственно-эмоциональный тип мировосприятия, воплощенный в этом персонаже, близок христианскому идеалу человека — это смиренный, «кроткий человек», «праведник». Третья заповедь блаженства: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5) — определяет отношение к кротости как идеальному устремлению души, как дару Святого Духа, это не «внешняя» черта характера, а внутреннее свойство, не манера поведения, а состояние ума и сердца; «спокойное, полное христианской любви, состояние духа человека, при котором человек никогда не раздражается и не позволяет себе ропота, не только на Бога, но и на людей <...> христианская кротость выражается в терпеливом перенесении обид» [Серафим (Слободский), 2010, с. 589]. Именно такое состояние души (кротость, доброта, незлобивость) проявляет Алексей Савельев, и это сближает его с образом святого Алексея, человека Божия.

Странничество героя повести в христианской парадигме — это путь испытаний, на котором человеку возможно реализовать свое чувство добра, единения со всем миром, чувство любви ко всему живому. Образ героя дополняется мотивом «радостного», спокойного приятия смерти. В христианском понимании страшной является смерть грешников («смерть грешников люта» (Пс. 33:22)), но смерть праведника радостна («честна пред Господом смерть преподобных Его» (Пс. 115:6)), потому что вводит

человека в заслуженный им рай. В молитвах смерть праведников называется «мирной», то есть в мире с Богом [Иов (Гумеров) ...].

Название повести «Птичка Божия» побуждает провести еще одну параллель с классической литературой, а именно со стихотворением («песней») А. С. Пушкина из поэмы «Цыганы»: *Птичка Божия не знает / Ни заботы, ни труда; / Хлопотливо не свивает / Долговечного гнезда; / В долгу ночь на ветке дремлет; / Солнце красное взойдет, / Птичка гласу Бога внемлет, / Встрепенется и поет* [Пушкин, 1977, с. 154]. Воспринимаемая, на первый взгляд, как характеристика беспечной жизни главного героя «песня» содержит отсылки к Нагорной проповеди: пение птички и вся ее жизнь посвящены Богу, то есть воспеваются целостность и единство живого существа и всего мира. На молитвенное, духовное начало стиха обращал внимание еще Д. С. Мережковский, когда писал, что этот фрагмент «напоминает лучшие молитвы, сложенные на цветущих холмах Назарета <...> это звуки, как будто прилетевшие из незапамятной древности, когда человек и природа были еще одно» [Мережковский, 1990, с. 115].

Смысловая параллель названия повести Гладких с пушкинским текстом позволяет оценить глубину замысла произведения и тонкость его художественного воплощения; проследить духовную преемственность — освоение современным автором классического наследия, обусловленную религиозно-духовным типом мировосприятия.

5. Заключение

Мотив «возвращение», являясь центром мотивного комплекса повести, реализуется в произведении на двух образно-смысловых уровнях: «реалистическом» (фабульном) и символично-мифологическом (религиозно-духовном). Он организует сюжет повести, ее ценностно-смысловое содержание, типологию героя.

Гладких воссоздала в образе Алексея Савельева тип человека, которого, выражаясь поэтически, можно назвать «светлым страдальцем»: оказавшись странником поневоле, герой не ропщет, а несет в душе свет, добро, сохраняет детскую чистоту души. Этот тип широко представлен в русской литературе как мужскими, так и женскими образами; к хрестоматийно известным относятся Лукерья (И. С. Тургенев «Живые мощи»), «кроткие герои» Ф. М. Достоевского, Липа (А. П. Чехов «В овраге»), Матрена, Иван Денисович (А. И. Солженицын «Матренин двор»), «Один день Ивана Денисовича»), Иван Африканович (В. И. Белов «Привычное дело») и многие другие. В современной исследовательской литературе этот тип героев рассматривается как факт национальной картины мира и связывается с «пас-

хальностью» мировосприятия [Есаулов, 2004], «праведничеством» [Двоглазов, 2015; Тарасов, 2006], «православным типом сознания» [Захаров, 1994; Котельников, 2002; Тарасов, 2002]. Образ героя повести соотносим с «вечными образами» русской литературы — образами святых, странников, богомольцев. Он испытывает лишения, но вместе с тем не утрачивает светлого мировосприятия, способности нестяжания, слияния с миром природы; он сохраняет доброту, трудолюбие, отзывчивость сердца, душевность и духовность.

Источники

1. *Акафист* Преподобному Алексию, человеку Божию [Электронный ресурс] // Сайт Азбука веры. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/days/sv-aleksij-chelovek-bozhij>.
2. *Гладких Т. И.* Птичка Божия. Повесть / Т. И. Гладких // Дальний Восток. — 2018. — № 5. — С. 91—134.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. / В. И. Даль. — Москва : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863 (Тип. А. Семена). — Ч. 1. А—З. — 627 с.
4. *Житие* и деяния человека Божия Алексея. Благослови, Отец // Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — С. 156—161.
5. *Иов (Гумеров)*, иеромонах. Путь всей земли [Электронный ресурс] / Иов (Гумеров) // Священник Павел Гумеров. Беседы о семейной жизни. — Режим доступа : <http://pavel-gumerov.ru>.
6. *Пушкин А. С.* Цыганы, 1824 / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. — Т. 4. Поэмы. Сказки. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. — С. 151—169.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова-Осокина О. Н.* Рецензия на книгу Т. И. Гладких «Иннокентий (Вениаминов) : учёный, педагог, просветитель» / О. Н. Александрова-Осокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2018. — № 1. — С. 113—118.
2. *Беневич Г. И.* Житие преподобного Алексея, человека Божия (преодоление чуждости в контексте церковного предания) / Г. И. Беневич // Чужое : опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. — Москва : Алетей, 1999. — С. 95—159.
3. *Бурдина С. В.* Мотив возвращения домой в поэзии А. Ахматовой 1940 года / С. В. Бурдина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2014. — Вып. 1 (25). — С. 112—120.
4. *Гаспаров Б. М.* Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. М. Гаспаров // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. — Москва : Наука, Восточная литература, 1993. — С. 28—82.

5. *Гиршман М. М.* Литературное произведение : Теория художественной целостности / М. М. Гиршман. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — 560 с.
6. *Двоеглазов В. В.* Категория «праведничества» в русской литературе первой половины XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. В. Двоеглазов. — Киров, 2015. — 24 с.
7. *Дорофеева Л. Г.* Визуальность в «Житии Алексея человека Божия» / Л. Г. Дорофеева // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 2. — С. 200—205.
8. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с.
9. *Захаров В. Н.* Русская литература и христианство / В. Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Выпуск 1. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. — С. 5—11.
10. *Инюшкин Н. М.* Провинциальная культура : взгляд изнутри / Н. М. Инюшкин. — Пенза : [б. и.], 2004. — 440 с.
11. *Котельников В. А.* Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной / В. А. Котельников. — Москва : Прогресс-плеяда, 2002. — 382 с.
12. *Мережковский Д. С.* Пушкин / Д. С. Мережковский // Пушкин в русской философской критике : Конец XIX — первая половина XX в. — Москва : Книга, 1990. — С. 92—160.
13. *Муравьев А. В.* Алексей, человек Божий / А. В. Муравьев, А. А. Турилов // Православная энциклопедия. — Москва : Православная энциклопедия, 2001. — Т. II. — С. 8—12.
14. *Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар / Н. К. Пиксанов. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. — 148 с.
15. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 239 с.
16. *Рыбальченко Т. Л.* Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2007. — № 1. — С. 58—82.
17. *Серафим (Слободский), протоиерей.* Закон Божий для семьи и школы / Сост. Серафим (Слободский). — Санкт-Петербург : Сатисъ, 2010. — 720 с. (Репринтное издание)
18. *Снигирева Т. А.* Сюжет «возвращения» в идеологическом пространстве русской литературы Советской эпохи / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов // Вестник. — 2011. — № 2 (24). — С. 220—229.
19. *Старьгина Н. Н.* Дарение : от устойчивого рождественского мотива к сквозному мотиву в святочных рассказах Н. С. Лескова / Н. Н. Старьгина // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Т. 15. — № 4. — С. 38—58.
20. *Тарасов А. Б.* Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Б. Тарасов. — Москва : МГОУ, 2006. — 36 с.
21. *Тарасов Б. Н.* Куда движется история? Метаморфозы людей и идей в свете христианской традиции / Б. Н. Тарасов. — Санкт-Петербург : Алетей, 2002. — 346 с.
22. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.

MOTIF “HOMECOMING” IN THE STORY OF TATYANA GLADKIKH “BIRD OF GOD”

© **Olga N. Alexandrova-Osokina (2020)**, orcid.org/0000-0003-2960-9920, Doctor of Philology, associate professor, Department of Literature and Journalism, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), osokina-11@mail.ru.

The story “The Bird of God” (2018), the work of the Far Eastern writer Tatyana Innokentyevna Gladkikh (born 1952), is reviewed in the article. The scientific novelty of the study is that the prose of Gladkikh was not a subject of comprehension in literary criticism. The relevance of this work is due to the importance of studying regional (Far Eastern) literature, which is a necessary condition for the formation of an integral picture of the domestic historical and literary process. The article presents the results of the immanent analysis of the story; attention is paid to issues of the plot, value content, figuratively motivational nature; the typology of the hero is traced and the typological parallel between the image of the hero of the story and the hero of medieval life — Alexy, the man of God, is justified. It is revealed that the hero of the story embodies the “hagiographic” type of world attitude, which manifests itself in a sense of universality with all living things, love, compassion. Particular attention is paid to the “homecoming” motive, which is seen as central in the plot-storyline and value-semantic organization of the work, and also acts as the organizing principle in the motive complex of the story, combining the images of “wandering”, “house”, “memory”, “soul”. The article traces how the “homecoming” motive is realized at three levels of organization of the artistic structure of the text: storyline, subjective and existential.

Key words: Tatyana Innokentyevna Gladkikh; “Prison theme”; motive complex; homecoming motive; “mythopoetics”; symbolism; typology of the hero.

MATERIAL RESOURCES

- Akafist Prepodobnomu Aleksiyu, cheloveku Bozhiyu. In: *Sayt Azbuka very*. Available at: <https://azbyka.ru/days/sv-aleksij-chelovek-bozhij>. (In Russ.).
- Daľ, V. I. (1863). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 ch., 1. A—Z*. Moskva: Izd. obshch-va lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti, (Tip. A. Semena). (In Russ.).
- Gladkikh, T. I. (2018). Ptichka Bozhiya. Povest'. In: *Dal'nyj Vostok*, 5: 91—134. (In Russ.).
- Iov (Gumerov), iyeromonakh. Put' vsey zemli. In: *Svyashchennik Pavel Gumerov. Besedy o semeynoy zhizni*. Available at: <http://pavel-gumerov.ru>. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1977). Tsygany, 1824. In: *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t., 4*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-niye. 151—169. (In Russ.).
- Zhitiye i deyaniya cheloveka Bozhiya Aleksiya. Blagoslovi, Otets. (1972). In: Polyakova, S. V. (sost.) *Vizantiyskiye legendy*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-niye. 156—161. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2018). Retsenzija na knigu T. I. Gladkikh «Innokentij (Veniaminov): uchenyy, pedagog, prosvetitel». *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 1*: 113—118. (In Russ.).
- Benevich, G. I. (1999). Zhitiye prepodobnogo Aleksiya, cheloveka Bozhiya (preodoleniye chuzhdosti v kontekste tserkovnogo predaniya. In: *Chuzhoye: opyty preodole-*

- niya. Ocherki iz istorii kultury Sredizemnomorya*. Moskva: Aleteyya. 95—159. (In Russ.).
- Burdina, S. V. (2014). Motiv vozvrashcheniya domoy v poezii A. Akhmatovoy 1940 goda. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 1 (25): 112—120. (In Russ.).
- Dorofeyeva, L. G. (2013). Vizualnost' v «Zhitii Alekseya cheloveka Bozhiya». *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2: 200—205. (In Russ.).
- Dvoyeglazov, V. V. (2015). *Kategoriya «pravednichestva» v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Kirov. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2004). *Paskhalnost' russkoy slovesnosti*. Moskva: Krug. (In Russ.).
- Freydenberg, O. M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra*. Moskva: Labirint. (In Russ.).
- Gasparov, B. M. (1993). Iz nablyudeniya nad motivnoy strukturoy romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita». In: Gasparov B. M. *Literaturnyye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka*. Moskva: Nauka, Vostochnaya literatura. 28—82. (In Russ.).
- Girshman, M. M. (2007). *Literaturnoye proizvedeniye: Teoriya khudozhestvennoy tselostnosti*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Inyushkin, N. M. (2004). *Provintsialnaya kultura: vzglyad iznutri*. Penza: [b. i.]. (In Russ.).
- Kotelnikov, V. A. (2002). *Pravoslavnyye podvizhniki i russkaya literatura. Na puti k Optinoy*. Moskva: Progress-pleyada. (In Russ.).
- Merezhkovskiy, D. S. (1990). Pushkin. In: *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: Konets XIX — pervaya polovina XX v.* Moskva: Kniga. 92—160. (In Russ.).
- Muravyev, A. V., Turilov, A. A. (2001). Aleksiy, chelovek Bozhiy. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya, II*. Moskva: Pravoslavnaya entsiklopediya. 8—12. (In Russ.).
- Piksanov, N. K. (1928). *Oblastnyye kulturnyye gnezda. Istoriko-krayevednyy seminar*. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1994). *Folklor i narodnaya kultura*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Rybalchenko, T. L. (2007). Situatsiya vozvrashcheniya v syuzhetakh russkoy realisticheskoy prozy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 1: 58—82. (In Russ.).
- Serafim (Slobodskiy), protoiyerey. (2010). *Zakon Bozhiy dlya semyi i shkoly*. Sankt-Peterburg: Satis. (Reprintnoye izdaniye) (In Russ.).
- Snigireva, T. A., Podchinenov, A. V. (2011). Syuzhet «vozvrashcheniya» v ideologicheskom prostranstve russkoy literatury Sovetskoy epokhi. *Vestnik*, 2 (24) : 220—229. (In Russ.).
- Starygina, N. N. (2017). Darenkiye: ot ustoychivogo rozhdstvenskogo motiva k skvoznomu motivu v svyatochnykh rasskazakh N. S. Leskova. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 15 (4): 38—58. (In Russ.).
- Tarasov, A. B. (2006). *Fenomen pravednichestva v khudozhestvennoy kartine mira L. N. Tolstogo: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva: MGOU. (In Russ.).
- Tarasov, B. N. (2002). *Kuda dvizhetsya istoriya? Metamorfozy lyudey i idey v svete khristianskoy traditsii*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (1994). Russkaya literatura i khristianstvo. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*, 1. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU. 5—11. (In Russ.).